

---

---

## ФРАНЦУЗСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И АНГЛО-РУССКОЕ СБЛИЖЕНИЕ в 1906—1907 гг.

(К ВОПРОСУ О ВКЛЮЧЕНИИ РОССИИ В АНТАНТУ)

*Э. М. РОЗЕНТАЛЬ*

Поражение царизма в русско-японской войне, явившееся логическим завершением «нового курса», провозглашенного Витте и доведенного до конца безобразовской кликой, способствовало тому, что царская дипломатия стала более активно заниматься европейскими делами. Поворот во внешнеполитическом курсе самодержавия не был переходом к какой-то новой политике, это был поворот к старому курсу — «лицом к Европе», который еще в последний период войны на Дальнем Востоке и после нее начал проводить министр иностранных дел Ламздорф и который особенно активно поддерживался его преемником Извольским. Это было возвращение к старой политике, направленной на разрешение антагонистических противоречий России с австро-германским блоком, которые по остроте не уступали, если не превосходили, англо-русские разногласия в Азии. Нужно сказать, что дипломаты старой или, как ее именовал французский посол в России Бомпар, «европейской» школы, такие, как Нелидов<sup>1</sup> и Бенкендорф<sup>2</sup>, всегда считали, что призвание русской дипломатии состоит в том, чтобы свести в первую очередь счеты с Германией и добиться разрешения европейской, точнее ближневосточной, проблемы. Однако в период 90-х годов и первых лет XX в. их голоса терялись среди голосов «выскочек-недипломатов» типа Алексеева и Безобразова. Теперь же, после провала дальневосточной авантюры, «европейцы» вновь заняли места, с которых были «оттерты» в предыдущие годы.

Разумеется, поворот во внешней политике царизма был связан не с благими пожеланиями «европейцев». Он был вызван объективно действующим процессом становления русского империализма и все большего его вовлечения в систему мирового империализма. Французские, бельгийские, германские, английские, голландские займы и инвестиции сделали свое дело. Интересы царизма все более и более вплетались в клубок международных империалистических противоречий, центр тяжести которых находился в Европе. Это и предопределяло возврат русской дипломатии к европейским делам.

Изменение внешнеполитического курса России было заветной мечтой дипломатии союзной Франции. Ведь вместе с поворотом самодержавия «лицом к Европе» исчезал «кошмар англо-русского столкновения» на дальневосточной почве, все время витавший до этого над руководителями внешней политики Франции. Но, приветствуя возврат царизма к европейским делам, дипломатия Третьей республики вместе с тем отлично знавала, что сам по себе этот поворот еще не гарантирует прочной стабилизации внешнеполитического курса России и не исключает возможности возврата русского империализма к колониальным авантюрам.

В Париже понимали, что лучшей гарантией против превращения такой возможности в действительность явилось бы окончательное урегулирование русско-японских отношений на Дальнем Востоке и русско-английских трений в Средней Азии. После русско-японской войны французская дипломатия и поставила перед собой задачу всеми силами способствовать такому урегулированию.

<sup>1</sup> Царский посол в Париже.

<sup>2</sup> Царский посол в Лондоне.

В свою очередь и английское правительство, понимающее, какое огромное и по существу решающее значение будет иметь в надвигающемся англо-германском конфликте участие России в том или ином из вражеских лагерей, всячески стремилось привлечь царизм на свою сторону.

Что касается самой России, то тут дело обстояло гораздо сложнее. С одной стороны, имелся целый ряд серьезных факторов, толкавших самодержавие к англо-французской Антанте, но, с другой стороны, существовали не менее серьезные причины, отталкивающие его от участия в этой политической комбинации.

В самом деле, если политика «лицом к Азии» влекла за собой обострение англо-русских противоречий, то политика «лицом к Европе» означала ухудшение русско-германских отношений на почве неминуемого австро-русского конфликта, замороженного, но отнюдь не исчезнувшего, конфликта, в котором Англия в силу англо-германских противоречий была естественным союзником России.

Исконная же мечта царизма пробиться к проливам и овладеть Константинополем всегда встречала на своем пути, как показал весь ход предшествующих событий, яростное сопротивление со стороны Англии. Но эту мечту можно было, по мнению Извольского, попытаться осуществить на почве англо-русского сближения, на договорных началах.

Наконец, возвращаясь к активным действиям на Балканах и, следовательно, «размораживая» австро-русский конфликт, царская дипломатия должна была позаботиться об укреплении своего дальневосточного тыла путем окончательного урегулирования русско-японского конфликта. Но и этому могла способствовать главным образом Англия — союзница Японии.

Таким образом, интересы русского империализма в Европе толкали его к сближению с Англией.

Но наряду с совпадающими интересами России и Англии между ними существовали не менее серьезные противоречия на почве среднеазиатских проблем. Причем, если для английского империализма эти противоречия были менее существенны, чем противоречия с Германией, и он готов был хотя бы временно отказаться от дальнейшей экспансии в этой области с тем, чтобы сконцентрировать все свои силы на разрешении основного противоречия, то для царизма англо-русские противоречия, пожалуй, не уступали русско-германским, и здесь уже, следовательно, Германия являлась естественным союзником царизма.

Сочетание вышеперечисленных «за» и «против» подсказывало самодержавию, ослабленному дальневосточной авантюрой и нуждавшемуся, по словам премьер-министра Витте, в 20—25-летней передышке<sup>3</sup>, лучшую в тех условиях линию поведения во внешней политике. Оставаясь до поры до времени в стороне от надвигающегося англо-германского конфликта, было решено попытаться (пользуясь желанием Англии, Франции и Германии привлечь царизм на свою сторону) осуществить свои, пусть на первых порах незначительные внешнеполитические цели при поддержке обеих антагонистических группировок.

Как будет показано ниже, эта линия царской дипломатии не выдержала столкновения с реальной действительностью. И опять-таки виной тому не действия тех или иных дипломатов, а более серьезные объективные причины. Совершенно неправ был Таубе, когда заявлял в своем дневнике о том, что Ламздорф балансировал между Сциллой и Харибдой (т. е. Германией и Англией), а Извольский и Сазонов якобы отказались от этого и бросили Россию в объятия своего векового врага — Англии<sup>4</sup>. Линия, избранная Извольским, как уже указывалось, мало чем отличалась от линии, проводимой перед отставкой Ламздорфом. Другое дело, что отсутствие после русско-японской войны дееспособных вооруженных сил, а главное, все большая финансовая зависимость России от Франции, заставили Извольского пойти гораздо дальше Ламздорфа. Вследствие этого и политика Извольского была значительно более англофильской.

Главной пружиной указавшей эволюции служила все увеличивавшаяся финансовая зависимость царизма от французского империализма.

Большой французский заем 1906 г. на деле дал лишь минимум того, что было не-

<sup>3</sup> М. Таубе. *La politique russe d'avant-guerre et la fin de l'Empire des tsars*, Paris, 1928, p. 121.

<sup>4</sup> *Ibid.*, p. 76.

обходимо для ликвидации финансового краха, вызванного войной и революцией<sup>5</sup>, и, конечно, не мог ликвидировать потребности самодержавия в новых займах из-за границы, от которых зависело само его существование. «Черносотенное правительство царя,— писал В. И. Ленин,— не могло удержаться после декабря 1905 г. ... без помощи всемирного капитала международной буржуазии в виде займов»<sup>6</sup>. Ясно было, что в ближайшее же время России необходимы будут новые займы для восстановления промышленности, пережившей потрясения кризиса, войны и революции.

Со своей стороны французский империализм стремился еще теснее привязать к себе царизм, отлично при этом сознавая, что из самодержавия можно будет выжать тем больше политических уступок в пользу Франции, чем крепче оно будет связано с последней финансовыми и экономическими узами.

Франция, ссудив России более 10 млрд. франков, не могла, по словам одного из парижских биржевых тузов де-Вернея, оставаться равнодушной к судьбе своего должника и была «весьма заинтересована поэтому в развитии союзной страны, не располагающей собственными средствами для разработки своих естественных богатств»<sup>7</sup>.

В изучаемый период, вместе с дальнейшим финансовым и экономическим закабалением России, шел процесс создания предпосылок к политическому закабалению России, к ее превращению в зависимую данницу западного империализма. Конкретно этот процесс в 1906—1907 гг. выражался во втягивании самодержавия в англо-французскую Антанту.

Вопрос о присоединении России к англо-французскому соглашению 1904 г., результатом чего явилось оформление Тройственной Антанты, имеет принципиально важное значение. Между тем этот вопрос совершенно не изучен и остается по существу белым пятном в истории подготовки войны 1914—1918 г. Историки-международники подходили к указанному вопросу очень узко, исследовали его лишь с точки зрения русско-английских отношений. Действия же Франции, стремившейся примирить царизм с Англией, оставались в тени.

В связи с этим вопрос о роли французской дипломатии в деле англо-русского сближения заслуживает самого тщательного анализа. Усилия дипломатии Франции, кровно заинтересованной в создании мощной антигерманской коалиции как орудия реванша за поражение 1870 г., были одним из важнейших факторов, приведших к образованию Тройственного соглашения. Самодержавие, не мыслившее своего существования без финансовой поддержки Франции, не могло не считаться в указанном вопросе с ее политическими требованиями.

К сожалению, анализ этого вопроса затруднен отсутствием публикаций документов бывшего царского Министерства иностранных дел, относящихся к периоду 1906—1907 гг. Что касается публикаций французских дипломатических документов, то они весьма неполны. В них отсутствует большинство «компрометирующих» источников. Так, например, тщетно искать в этих публикациях документы, показывающие неприглядное лицо монополистического капитала Франции, подталкивавшего своего финансово зависимого партнера к войне с Германией. И все же при тщательном анализе и, особенно, при сопоставлении французских публикаций с русскими архивными материалами можно выяснить истинное направление внешнеполитических действий Франции.

Наше сообщение о роли французской дипломатии в деле англо-русского сближения, основанное на изучении французских и русских дипломатических документов, разумеется, не претендует на всеобъемлющее исследование указанной проблемы и нуждается в последующих дополнениях и уточнениях.

\* \* \*

Французская дипломатия и стоявшая за ее спиной крупная буржуазия были кровно заинтересованы в примирении дружественной им Англии и союзной России, конфликт между которыми грозил ослаблением или даже расколом русско-французского союза,

<sup>5</sup> «Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг.», Центрархив, М.—Л., 1926, стр. 236—240. Этот заем дал чистыми 677 млн. руб. при имеющемся бюджетном дефиците, равном 811 млн. руб. Вместе с бюджетным активом 1906 г., равным 100 млн. и 34 млн., позаимствованными из сберкасс, как раз сводились концы с концами.

<sup>6</sup> В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 399.

<sup>7</sup> С. Ронин. Иностранный капитал и русские банки, М., 1926, стр. 57.

служившего Франции главной гарантией против германской угрозы. Англо-русские трения отдаляли также момент образования широкого антигерманского блока и осуществление мечты о реванше. «Если бы мы могли опереться и на Россию и на Англию, как бы мы были сильны против Германии!» — сказал как-то французский министр иностранных дел Делькассе. А его друг М. Палеолог, приведший цитируемые слова в своем дневнике, добавил от себя, что министр мечтал об этом, начиная еще с 1898 г.<sup>8</sup> Делькассе не только мечтал об англо-русском сближении, но и всечасно содействовал ему.

В течение всей русско-японской войны 1904—1905 гг. французские официальные газеты не прекращали пропагандировать идею сближения России с Англией<sup>9</sup>, а дипломатия Третьей республики в момент обострений англо-русских отношений (например, в период Гульевского инцидента) неизменно выступала в роли врача, прикладывающего холодные компрессы к разгоряченному лбу своего британского друга, и эти действия не пропали напрасно. Сразу же после окончания войны на Дальнем Востоке английское правительство с помощью французской дипломатии дало понять царизму, что оно готово немедленно возобновить прерванные этой войной переговоры о сближении с ним. Больше того, по настоянию Парижа сам британский министр иностранных дел Ленсдоун отправил Ламздорфу телеграмму, в которой предлагал заключить англо-русское соглашение<sup>10</sup>.

Одновременно, точно по команде (вероятно, так оно и было), в начале сентября 1905 г. английская пресса вновь вспыхнула жаркой любовью к самодержавию. Почти все британские газеты выступили за англо-русское сближение, причем они намекали, что царизм от этого сближения может получить существенные выгоды<sup>11</sup>. В это время русские «европейцы», Нелидов и Бенкендорф, выступили с предложением войти в соглашение с Великобританией. Однако царь еще упорствовал. На полях октябрьской записки Нелидова о желательности русско-английского соглашения, которое, по словам посла, поможет царизму захватить Константинополь, Николай II, проявив редкую для него дальновзоркость, лаконично пометил: «Как раз наоборот»<sup>12</sup>. Бенкендорфу же в начале ноября 1905 г. он велел ответить: «Нам соглашение не нужно»<sup>13</sup>. Одновременно русская официальная печать также выступила против соглашения России с Англией, указывая, что, поскольку Россия нужна и Великобритании и Германии, есть прямой смысл выждать, «кто больше даст», что «России некуда пока торопиться, и она выберет себе союзников по зрелом размышлении»<sup>14</sup>.

Но в ноябре-декабре 1905 г., когда в России разразился финансовый кризис, стало совершенно очевидно, что больше всех может дать Франция. Франция же требовала от царизма сблизиться с Англией. И самодержавие, дабы заполучить французское золото, начало заигрывать с Англией, намекая, что Россия не прочь войти в соглашение с ней. Однако британская дипломатия не ответила тогда же на пожелания царя и Витте, а указала им, что вопрос об англо-русском сближении следует разрешить после окончания Алхесирасской конференции. Во время этой конференции французская и английская дипломатия решила серьезно поссорить Россию с Германией и тем самым подготовить более прочную базу для включения царизма в Антанту.

Действительно, вопрос об англо-русском сближении был поставлен особенно ясно в период Алхесирасской конференции. При посредничестве французов русский представитель Кассини вел в кулуарах конференции частые беседы с личным другом короля Эдуарда VII, известным английским дипломатом и журналистом Доннальдом Макензи Уоллесом и английским послом в Испании Артуром Никольсоном<sup>15</sup>.

Выступление России в период конференции вместе с Францией и Англией против Германии значительно обострило ее отношения с последней.

<sup>8</sup> M. Paléologue. Le Grand tournant de la politique mondiale 1904—1906, Paris, 1934, p. 12.

<sup>9</sup> A. Tardieu. La France et les Alliances, Paris, 1905, p. 290.

<sup>10</sup> АВПР, Канцелярия, д. 98, л. 11.

<sup>11</sup> В начале сентября «Дейли телеграф» писала, что Англия поддержит русскую политику на Ближнем Востоке; 7 сентября «Спектатор» прямо указывал, что Англия «отдаст» России Константинополь; в начале октября «Дейли Экспресс» сообщала, что Великобритания готова предоставить России даже порт в Персидском заливе.

<sup>12</sup> АВПР, Канцелярия, д. 86а, 5.Х—1905 г.

<sup>13</sup> ЦГИАМ, ф. 568, д. 66. «Планы всепод. докладов Ламздорфа» (Доклад от 8.ХІ—1905 г.).

<sup>14</sup> «Новое время», 1 октября 1905 г.

<sup>15</sup> A. Tardieu. La France et les Alliances, p. 291.

Огромное значение в истории англо-русского сближения имела циркулярная нота Ламздорфа Кассини, предписывавшая последнему оказывать на конференции полную поддержку французской дипломатии (а это было условием для предоставления России французского займа), и благодаря «неосторожности» французов ставшая достоянием прессы. Следствием этой ноты, которая, по словам Извольского, положила конец надеждам Вильгельма II на привлечение России к союзу с Германией<sup>16</sup>, явился отказ германского правительства от участия в русском займе, что в свою очередь еще более отдалило царизм от Германии и еще более сблизило его с Англией, которая при поддержке парижской биржи оказала самодержавию посильную финансовую помощь<sup>17</sup>. Одновременно, готовя почву для соглашения с Россией, Англия отказала персидскому правительству в займе, который мог вызвать недовольство царизма<sup>18</sup>.

Все это, вместе взятое, привело к тому, что к концу Алхесирасской конференции почва для англо-русских переговоров была расчищена. Вернувшись к этому времени из Петербурга в Лондон, Бенкендорф уже имел разрешение Ламздорфа, а следовательно, и Николая II, завязать на этот счет при случае переговоры с английским правительством.

С указанного момента и начинается непосредственная история англо-русского соглашения, заключенного полтора года спустя, в августе 1907 г. 20 марта 1906 г. лорд Ревельсток дал Бенкендорфу принципиальное согласие на участие английских банкиров в русском займе, а буквально на следующий день Бенкендорф нашел и путь к завязке англо-русских политических переговоров. В этот день он беседовал с французским послом в Англии Полем Камбоном. Небезынтересно привести небольшую выдержку из этой беседы, которая послужила прологом к англо-русским переговорам

«П. Камбон: Как идут ваши дела?»

Бенкендорф: Примерно, как обычно, только мы очень довольны англичанами, с которыми договорились по многим серьезным вопросам... (речь шла о вопросах финансового порядка.— Э. Р.).

П. Камбон: Имеются ли в виду переговоры между вами?»

Бенкендорф: Если английское правительство сделает какие-нибудь практические предложения по этому поводу, мы, конечно, не откажемся их обсудить дружески, но нам нужны определенные предложения. Наше положение и осторожность требуют этого».

Камбон согласился с этим. «Единственная трудность заключается в том,— сказал он Бенкендорфу,— что англичане не знают, чего вы хотите», на что последний возразил, что «еще не поздно сказать это». Передавая содержание своей беседы с П. Камбоном Ламздорфу, Бенкендорф заметил, что, по всей вероятности, французский посол не замедлит сообщить о ней Э. Грею<sup>19</sup> и, что «от этого не станет плохо»<sup>20</sup>.

Бенкендорф не ошибся. П. Камбон немедленно поведал Э. Грею о своем разговоре с русским послом, отметив при этом, что инициатива переговоров должна исходить от Великобритании, и что хорошо бы с этой целью уполномочить вести переговоры с русским правительством Артура Никольсона<sup>21</sup>, имеющего уже опыт алхесирасских бесед с Кассини.

Именно в это время Э. Грей, со своей стороны, и указал Ревельстоку на то, что «с политической точки зрения» участие Англии в русском займе «крайне желательно»<sup>22</sup>.

<sup>16</sup> А. П. Извольский. Воспоминания, Пг.— М., 1924, стр. 27.

<sup>17</sup> Характерно, что бывший царский министр финансов Кокцов, лучше других знавший о бедственном положении русских финансов и мечтавший об открытии для России английского денежного рынка, во время своего пребывания в Париже в апреле 1906 г. в беседе с корреспондентом «Матэн» заявил, что он стоит не только за укрепление экономических и финансовых связей с Великобританией, но и считает очень своевременным англо-русское политическое сближение на почве азиатских дел. Он, правда, тут же оговорился, что это его личное мнение, однако, по сути дела, это было мнение высших русских финансовых кругов, с которыми царизм не мог не считаться (АВПР, Канцелярия, д. 107, л. 535).

<sup>18</sup> DDF (здесь и далее серия II, 1901—1911 гг.), т. IX, № 149.

<sup>19</sup> Стас-секретарь Великобритании по иностранным делам, сменивший на этом посту Ленсдоуна.

<sup>20</sup> АВПР, Канцелярия, д. 98, лл. 20—21.

<sup>21</sup> DDF, т. IX, № 532.

<sup>22</sup> АВПР, Канцелярия, д. 98, л. 31.

Французская дипломатия, выступившая посредницей в деле англо-русских переговоров, отлично понимала, что втягивается в новую схватку с дипломатией Германии, которая, конечно, постарается сорвать их. Вот почему еще до того, как завязались англо-русские переговоры, французское правительство решило авансом предостеречь дипломатов обеих стран против возможных демаршей Вильгельма II.

6 апреля 1906 г. П. Камбон вновь беседовал с Бенкендорфом и указал ему на то, что германская дипломатия концентрирует все свое внимание на двух моментах, именно — стремится посорить Россию с Францией и не допустить англо-русского сближения, и что с целью предотвратить такое сближение она готова пуститься на любые инсинуации. В частности, германские дипломаты, по словам П. Камбона, уже пустили ложный слух о том, что к новому англо-японскому союзному договору добавлена в середине марта секретная статья, направленная якобы против России. Передавая Ламздорфу отчет о беседе с французским послом, Бенкендорф заключил, что Камбон хочет предостеречь и Россию и Англию против интриг Германии, имеющих целью воспрепятствовать образованию Тройственного соглашения<sup>23</sup>.

23 апреля 1906 г. французский поверенный в делах в Лондоне Жоффрэ еще раз заверил своего министра иностранных дел Л. Буржуа, который сменил Делькассе, в том, что в высших английских сферах и политических кругах желают сближения с Россией и что готовящаяся на Лондонском рынке эмиссия русского займа будет, по мнению заправил Сити, удачна<sup>24</sup>. Несмотря на то, что некоторые газеты вроде «Морнинг пост», добавляя Жоффрэ, настаивают на продолжении антирусской политики, однако общее направление ветра переменялось в пользу России, и даже газета «Таймс», которая вела долгую и ожесточенную кампанию против России, превозносит сейчас выгоды англо-русского сближения. В заключение Жоффрэ сообщал в Париж, что в настоящий момент в Форин Оффис с нетерпением ждут возвращения в Лондон Артура Никольсона, которому предлагает войти в более тесные связи с Петербургом на предмет англо-русского соглашения<sup>25</sup>. Денеша Жоффрэ 30 апреля по получении в Париже была переправлена Бомпару в Петербург, а уже 5 мая 1906 г. поверенный в делах Франции в Петербурге Бутирон сообщал в Париж, что со стороны России вопрос об англо-русском сближении встретит гораздо более холодный прием, чем в Англии, и что если последняя хочет добиться сближения с царизмом, она должна дать ему больше, чем получит от него<sup>26</sup>.

Действительно, к этому времени вопрос об англо-русском сближении утратил в глазах Петербурга характер спешности. Дело в том, что к 1 мая 1906 г. часть русского займа, взятого на себя английскими банками, была полностью покрыта подпиской в Лондоне. Теперь царская дипломатия вновь решила вернуться к политике лавирования между Великобританией и Германией, пресса которой забила тревогу по поводу слухов о предстоящих англо-русских переговорах, напоминая при этом России об услугах, оказанных царизму со стороны Германии в период русско-японской войны, и о кознях англичан<sup>27</sup>. Именно нежеланием еще большего обострения и без того ухудшившихся отношений с Германией следует объяснять делавшиеся Ламздорфом перед уходом его с поста министра заявления о нелепости слухов насчет возможности англо-русского сближения<sup>28</sup>. Даже Бенкендорф, с нетерпением его ожидавший и стремившийся всеми силами приблизить, несколько поостыл в этом вопросе.

Так, в беседе с Э. Греем, имевшей место 30 апреля 1906 г., т. е. в момент, когда успех эмиссии русского займа на английском рынке был для всех совершенно очевиден, русский посол встретил без всякого энтузиазма намеки британского министра насчет урегулирования англо-русских отношений в Персии и лишь жаловался на действия английских агентов в Азии, а сама беседа закончилась, несмотря на усилия Э. Грея, безрезультатно<sup>29</sup>.

Французская дипломатия ни на секунду не упускала нити завязавшихся между Бенкендорфом и Э. Греем бесед. Сразу же после указанной беседы 30 апреля П. Кам-

<sup>23</sup> АВПР, Канцелярия, д. 98, л. 35.

<sup>24</sup> Там же, л. 71.

<sup>25</sup> DDF, т. X, № 30.

<sup>26</sup> DDF, т. X, № 40.

<sup>27</sup> DDF, т. X, № 64.

<sup>28</sup> DDF, т. X, № 40.

<sup>29</sup> АВПР, Канцелярия, д. 98, л. 64.

фон постарался успокоить русских относительно действий английских агентов в Персии, заявив Бенкендорфу, что после заключения англо-французской Антанты агенты на местах еще долгое время не могли отвыкнуть от укоренившихся отношений вражды между Францией и Англией и что в таких случаях приходилось попросту менять консулов, не признававших Антанты. В частности, Бенкендорфу было указано, что в Англии подумывают о том, чтобы направить в Тегеран Спринг-Райса, который сумеет договориться с русским посланником в Персии Гартвигом<sup>30</sup>.

Между тем, не найдя общего языка с царизмом в самом сложном вопросе англо-русских противоречий, Э. Грей попытался завязать переговоры вокруг проекта строительства Багдадской железной дороги. И здесь французская дипломатия немедленно поддержала англичан. Буржуа убеждал в Париже Нелидова, что, завязав с Бенкендорфом беседу о Багдадской дороге, Э. Грей еще раз проявил свои симпатии к России. «Я готов идти еще дальше,— указывал Э. Грей П. Камбону,— и прийти к соглашению с русским правительством относительно постройки железной дороги из России через Персию к долине Тибра и Персидскому заливу». Передавая Нелидову эти слова Грея, Буржуа заявил, что видит в них исходную точку англо-русского соглашения по персидским делам. Приехавший вскоре в Париж П. Камбон со своей стороны намекнул Нелидову, что «в настоящих условиях англичане готовы сделать России весьма широкие уступки». Эти обещания были настолько соблазнительны, что Николай II вместо проявления своей обычной неприязни, когда дело касалось Англии, на сей раз подписал на депеше Нелидова: «Сообщить начальнику генерального штаба»<sup>31</sup>. Однако, поскольку вопрос о Багдадской железной дороге непосредственно касался Германии, царская дипломатия решила замять его и Э. Грей вскоре вынужден был прекратить зондаж вокруг этого вопроса<sup>32</sup>.

Тем не менее, несмотря на первые неудачи, огоньку, зажженному французскими дипломатами, не суждено было погаснуть. Его поддерживала не только французская, но и русская дипломатия. В планах нового царского министра иностранных дел Извольского, сменившего в середине мая 1906 г. Ламздорфа, коренное улучшение англо-русских отношений должно было сыграть немаловажную роль. Еще перед вступлением в новую должность Извольский совершил турне в Лондон и Париж, где согласовал с Бенкендорфом и Нелидовым внешнеполитическую линию нового кабинета, линию, которая, по словам самого же Извольского, привела к Тройственному соглашению<sup>33</sup>. С этой программой, которая заключалась в дополнении русско-французского союза англо-русским и русско-японским соглашениями, Извольский и явился к Николаю II. Царь одобрил программу нового министра<sup>34</sup>, и, таким образом, «возвращение России в Европу», как заметил известный французский дипломат и журналист Тардьё<sup>35</sup>, было официально подтверждено. Однако Извольский, готовясь, как он выражался, «решать проблемы, опираясь на Англию — друга Франции — нашей союзницы»<sup>36</sup>, отлично понимал, что его далеко идущие планы, не имеющие за собой реальной поддержки, могут быть осуществлены лишь в том случае, если Россия не испортит вконец отношений с Германией, мнение которой в европейских делах приходилось серьезно учитывать<sup>37</sup>.

Таким образом, хотя приход Извольского на пост министра и был благоприятен для англо-русского сближения, однако само это сближение должно было, как и до этого, проводиться очень постепенно и не в ущерб отношениям с Германией. Уже первые шаги Извольского свидетельствовали о том, что так оно и будет. Заверив французского посла, что внешняя политика России по-прежнему основывается на русско-французском Союзе<sup>38</sup>, Извольский тут же заявил германскому послу, что главная задача русской

<sup>30</sup> АВПР, Канцелярия, д. 98, л. 64.

<sup>31</sup> АВПР, Канцелярия, д. 107, ч. 1, лл. 121—122.

<sup>32</sup> АВПР, Канцелярия, д. 98, лл. 76, 96.

<sup>33</sup> А. П. Извольский. Указ. соч., стр. 26—27.

<sup>34</sup> Там же, стр. 61.

<sup>35</sup> А. Tardieu. La France et les Alliances, p. 30.

<sup>36</sup> М. Taubé. La politique russe..., p. 100.

<sup>37</sup> Любопытно, что в своих мемуарах Извольский ни словом не обмолвился о своих действиях, направленных на то, чтобы сохранить хорошие отношения с Германией, действиях, которые зашли, как будет указано ниже, весьма далеко. По всей вероятности, Извольский стремился в своих «Воспоминаниях» предстать абсолютно «чистым» перед англо-французскими союзниками, гостеприимством которых пользовался после победы Октябрьской революции в России.

<sup>38</sup> DDF, т. X, № 61.

дипломатии заключается в том, чтобы поддерживать традиционные дружественные связи с Германией<sup>39</sup>. В свою очередь германский посол в Петербурге Шен не преминул напрямик спросить Извольского о достоверности слухов насчет якобы ведущихся англо-русских переговоров. Русский министр уклончиво заметил, что Петербург и Лондон еще не входили в обсуждение вопросов, их интересующих<sup>40</sup>. Обращая внимание своего правительства на беседу Извольского с Шеном (о которой ему сообщил Бенкендорф), Поль Камбон предостерегал, что немцы постараются свести на нет миссию Никольсона, направляющегося в Петербург вести переговоры с русским правительством<sup>41</sup>.

Никольсон, сменивший Гардинга на посту английского посла в России, прибыл в Петербург 28 мая 1906 г. Понимая сложность выпавшей на его долю задачи, он все свои упования возлагал главным образом на Францию, без участия которой вообще не мыслил англо-русского сближения. Неудивительно, что сразу же, в день своего приезда в Петербург, Никольсон отправился во французское посольство с тем, чтобы посоветоваться с Бомпаром, каким образом легче выполнить возложенную на него миссию. Новый английский посол сказал Бомпару, что ввиду разногласий между Думой и правительством он считает необходимым вести переговоры поначалу не очень активно и завязать их в первую очередь по второстепенному тибетскому вопросу (на основах: не вмешиваться во внутренние дела Тибета, не засылать туда агентов и не искать там концессий). Бомпар согласился с Никольсоном, что начинать следует с Тибета, а затем, если ход бесед с Извольским будет удачен, включить в переговоры афганский вопрос и, наконец, наиболее щекотливый — персидский. Бомпар, однако, категорически советовал Никольсону не касаться вопроса о Багдадской железной дороге, ибо Извольский уже обещал германскому послу ничего не предпринимать в этом направлении без Германии. Что же касается предположения Никольсона о том, что переговоры следует начинать пассивно, французский посол в корне с ним не согласился и посоветовал не опасаться перемен в царском правительстве, ибо никакая перестановка в министерстве не повлияет на внешнюю политику России в Средней Азии<sup>42</sup>.

На следующий день, 29 мая 1906 г., английский посол официально предложил Извольскому начать англо-русские переговоры по тибетскому вопросу. Русский министр согласился. Так, при активном посредничестве Франции вопрос об англо-русском сближении вступил в следующую фазу. Как и следовало ожидать, Извольский предложил Никольсону высказаться относительно английских условий, ни словом не обмолвившись при этом о русских.

Об этом Никольсон немедленно сообщил французскому послу. В ответ на lamentации английского посла о том, что очень трудно вести переговоры с Россией, которая не проявляет со своей стороны никакой инициативы, Бомпар заявил ему, что иначе быть сейчас и не может, и вновь указал, что в свою очередь британская сторона должна еще больше активизироваться<sup>43</sup>.

Английская дипломатия не осталась глуха и к этим советам французов. В середине мая 1906 г. в Лондоне было решено послать в конце лета 1906 г. в Кронштадт британскую эскадру с дружеским визитом, о чем английский поверенный в делах сообщил Извольскому<sup>44</sup>. К началу июня вопрос о визите английской эскадры в Россию был в принципе решен<sup>45</sup>. Российское телеграфное агентство даже сообщило из Лондона состав эскадры, которую должен повести в Балтику вице-адмирал Аштон Керзон-Хоу, и ее подробный маршрут<sup>46</sup>. Но в последний момент в планы дипломатов властно вмешались события русской внутренней жизни. Грандиозный погром, произведенный черносотенцами в Белостоке в середине июня 1906 г., взбудоражил английскую и французскую общественность. Члены лейбористской партии подали запрос в Палату общин по поводу этого погрома, что очень встревожило Эдуарда VII и Э. Грея, боявшихся, как бы парламентская демонстрация против русского правительства не повредила и без того еле продвигавшимся переговорам Никольсона с Извольским во вопросу о Тибете<sup>47</sup>.

<sup>39</sup> GP, т. XX, № 7355.

<sup>40</sup> DDF, т. X, № 72.

<sup>41</sup> DDF, т. X, № 72.

<sup>42</sup> DDF, т. X, № 86.

<sup>43</sup> DDF, т. X, № 86.

<sup>44</sup> АВПР. Канцелярия, д. 187, л. 5.

<sup>45</sup> DDF, т. X, № 95.

<sup>46</sup> АВПР, Канцелярия, д. 187, л. 117.

<sup>47</sup> АВПР, Канцелярия, д. 98, л. 109.

И действительно, недовольство, открыто высказываемое в стенах английского парламента, сделало свое дело. В Петербурге решили отказаться от визита британских кораблей. Конечно, в этом решении сыграло свою роль и нежелание царизма лишний раз раздражать Германию. Как бы то ни было, но 7 июля 1906 г. Извольский сообщил Бенкендорфу, что визит английской эскадры в Россию следует отложить, аргументировав это беспорядками, могущими возникнуть в России в связи с прибытием эскадры из конституционной Англии, в чем местные конституционалисты могут-де узреть поддержку своим требованиям<sup>48</sup>. Телеграмма Извольского очень встревожила Бенкендорфа. В ответной телеграмме он указал своему министру, что после речи Э. Грея в парламенте, в которой он говорил о предстоящем визите, отказ России вызовет недовольство<sup>49</sup>. На следующий день, уже переговорив с Э. Греем, Бенкендорф телеграфировал Извольскому, что англичане вовсе не ждут праздничной встречи и по-прежнему желают этого визита<sup>50</sup>. Однако намереваясь в ближайшем будущем разогнать Думу, царское правительство резонно считало, что делать это удобнее без иностранных свидетелей, а посему 11 июля, т. е. за три дня до того, как английские корабли должны были сняться с якоря и взять курс на восток, Николай II отправил Эдуарду VII личную телеграмму с просьбой отложить визит британской эскадры в Россию, так как он может быть использован Думой в оппозиционных целях<sup>51</sup>. Англичанам пришлось проглотить горькую пилюлю, которую всеми силами стремился подсластить П. Камбон, выступавший на сей раз в роли ангела-утешителя и успокаивавший англичан доводами о том, что отказ России от визита британской эскадры отнюдь не говорит еще за то, что Россия враждебна Англии<sup>52</sup>.

Не успели страсти, разгоревшиеся в Англии по поводу белостокского погрома, успокоиться, как над переговорами Никольсона с Извольским нависла новая угроза — 23 июля 1906 г. в Лондоне стало известно, что царь разогнал Думу. Поверенный в делах Франции в Лондоне сообщал в Париж, что этот царский шаг в сторону отказа от парламентаризма сочли здесь оскорблением, направленным против Англии<sup>53</sup>. Британские газеты немедленно подняли кампанию в защиту разогнанной Думы<sup>54</sup>.

Этим дело не ограничилось — некоторые виднейшие общественные деятели Великобритании решили отправить в Петербург депутацию с тем, чтобы выразить сочувствие членам разогнанной Думы и вручить им по этому поводу специальный адрес<sup>55</sup>.

Узнав об этом, Бенкендорф немедленно указал Э. Грею, что подобный акт может вызвать еще большее недовольство в России<sup>56</sup>. Со своей стороны и Никольсон предупредил своего министра, что, если британская депутация прибудет в Петербург, все его переговоры с Извольским пойдут насмарку. «Страшно рассердившийся», по свидетельству французского поверенного в делах в Англии, король Эдуард VII «в крепких выражениях»<sup>57</sup> заставил парламент отказаться от посылки депутации в Россию. Убедившись в свою очередь, что роспуск Думы не поколебал трона, что Свеаборгское и Кронштадтское восстания, а также забастовка петербургских рабочих, совпавшие с разгоном первой Думы, были вскоре подавлены, британские газеты решили, что волноваться не из-за чего, и начали менять тон в пользу самодержавного правительства. Этому во многом способствовали также сообщения из России от Никольсона, которые были, по словам Бенкендорфа, даже слишком оптимистичны. Во всяком случае, уже 7 августа 1906 г. в личном письме Извольскому русский посол сообщал, что общественное мнение Англии все больше склоняется на сторону царского правительства<sup>58</sup>.

Естественно, однако, что история с белостокским погромом и разгоном Думы не способствовала англо-русским переговорам. Хотя в начале августа 1906 г. Извольский обещал Никольсону вручить «в скором времени» ответ на английские предложения по

<sup>48</sup> АВПР, Канцелярия, д. 187, л. 23.

<sup>49</sup> Там же, л. 25.

<sup>50</sup> Там же.

<sup>51</sup> DDF, т. X, № 148.

<sup>52</sup> DDF, т. X, № 152.

<sup>53</sup> DDF, т. X, № 233.

<sup>54</sup> АВПР, Канцелярия, д. 98, л. 132.

<sup>55</sup> DDF, т. X, № 233.

<sup>56</sup> АВПР, Канцелярия, д. 98, л. 177.

<sup>57</sup> DDF, т. X, № 233.

<sup>58</sup> АВПР, Канцелярия, д. 98, л. 147.

тибетскому вопросу, чем британский посол был очень обрадован, однако прошла неделя, другая, третья, а Извольский по-прежнему хранил молчание. Когда же, наконец, Никольсон скромно осведомился, как обстоит дело насчет ответа, Извольский заявил, что он поглощен различными другими, более срочными делами. 7 сентября 1906 г. Никольсон вновь обратился к Извольскому с тем же вопросом, но на сей раз последний попросту перевел беседу на другую тему. Передавая все это своему министру иностранных дел, поверенный в делах Франции в Петербурге Бутирон с грустью констатировал, что переговоры пока что не клеятся<sup>59</sup>.

Главной причиной затяжки переговоров оставалось по-прежнему нежелание раздражать германское правительство, которое в планах Извольского, уже тогда вынашивавшего идею мирного пересмотра Берлинского трактата о черноморских проливах в пользу России, играло не менее существенную роль, чем британское или французское.

Между тем английская дипломатия сделала еще один практический шаг к ускорению переговоров, затяжка которых действовала на руку Германии. В первых числах октября 1906 г. в Тегеран прибыл Спринг-Райс, назначенный на пост английского посланника в Персии вместо ненавидевшего Россию и поддерживавшего в стране движение, направленное против царизма, Гранта ДUFFа, которого, между прочим, французский посланник в Тегеране Декос настоятельно советовал сменить еще в августе<sup>60</sup>. Перед отъездом из Лондона Спринг-Райс, предвидя трудности выпавшей на его долю задачи, просил Поля Камбона предупредить Декоса, что он (Спринг-Райс) очень рассчитывает на поддержку в деле пресечения англо-русской вражды в Персии и на его помощь в деле сближения с русским посланником Гартвигом. В результате Спринг-Райс получил рекомендательное письмо к Декосу от друга последнего, Бомпара<sup>61</sup>.

Положение русской дипломатии в этих условиях было очень затруднительным. С одной стороны, англичане все более активизировались и проявляли признаки явного нетерпения, с другой — германское правительство было не на шутку встревожено затянувшимся *tête à tête* Извольского с Никольсоном. Беспокойство на Вильгельмштрассе подогревалось и британской прессой, которая не скупилась на сенсационные сообщения. Так, в первых числах октября в «Дейли телеграф» появилась большая корреспонденция из Петербурга, подробно и подозрительно пророчески рассказывающая о том, как будет выглядеть будущее соглашение Англии с Россией (обе страны условятся не вмешиваться во внутренние дела Тибета, а Персия будет разделена на сферы влияния) и что заключения соглашения ждут со дня на день.

В Петербурге преждевременная корреспонденция «Дейли телеграф» произвела неприятное впечатление, и хотя Никольсон поспешил опровергнуть заявление английской газеты<sup>62</sup>, оно оставило тяжелый осадок в Германии.

По всей вероятности, все сказанное и заставило Извольского посетить в октябре 1906 г. Берлин и постараться успокоить германское правительство.

Русский министр отправился в Берлин, конечно, не для того, чтобы спрашивать разрешения германского правительства на ведение переговоров с Англией; он вовсе не кривил душой, когда проездом через Париж убеждал нового министра иностранных дел Франции Пишона, что соглашение с Англией стоит у него на первом плане, но он хотел лично увериться в том, что немцы не собираются совершить в Персии демарша наподобие марокканского, а кроме того, по всей вероятности, обещал германскому правительству войти с ним в соглашение по вопросам, интересующим Россию и Германию, в частности по вопросу о Балтике, и тем самым смягчить в Берлине впечатление от будущего англо-русского соглашения.

Вернувшись в Петербург, он немедленно принял Никольсона и имел с ним беседу, в которой было решено заключить будущее соглашение по всем пунктам сразу, т. е. после того; как будут обсуждены и тибетская, и персидская, и афганская проблемы. И все же дело англо-русского соглашения по-прежнему продвигалось крайне медленно и не шло пока дальше переговоров по таможенным вопросам. В середине ноября Бомпар решил вновь подтолкнуть Извольского и с этой целью завязал с ним беседу на предмет англо-русских переговоров. Извольский заявил, что переговоры в настоя-

<sup>59</sup> DDF, т. X, № 199.

<sup>60</sup> DDF, т. X, № 184.

<sup>61</sup> DDF, т. X, № 235.

<sup>62</sup> DDF, т. X, № 226.

щее время находятся на хорошем пути, но что для их завершения ему необходимо «побороть в своем собственном министерстве закоренелые предубеждения<sup>63</sup> против Англии». «И потом вы ведь знаете на примере Антанты,— добавил Извольский,— что подобные вещи в один день не решаются»<sup>64</sup>. Бомпар так ничего и не добился. Готовя соглашение с Англией, Извольский по-прежнему беспрестанно оглядывался на Германию.

Но уже в конце 1906 — начале 1907 г. в ходе англо-русских переговоров произошел значительный сдвиг. Причиной его послужили затруднения, наступившие в этот период в русско-японских переговорах, которые велись с конца 1905 г.

Нужно сказать, что Извольский уделял огромное значение урегулированию русско-японских отношений<sup>65</sup>, и это вполне понятно, ибо, не уладив их, он не мог начать осуществления своих европейских планов. И вот теперь, воспользовавшись тем, что англичане спешили заключить англо-русское соглашение, Извольский намекнул Лондону, что переговоры с Никольсоном могли бы быть ускорены, если бы англичане помогли смягчить требования, предъявленные России их союзницей Японией<sup>66</sup>. Вслед за тем на рождественском ужине у короля, куда Бенкендорф был приглашен Эдуардом VII, русский посол жаловался последнему на чрезмерность японских требований, особенно по вопросам о рыбной ловле, и даже прямо заявил, что переговоры с Японией задерживают переговоры с Англией. Король обещал «сделать все возможное», чтобы способствовать успеху русско-японских переговоров<sup>67</sup>. Английская дипломатия была заинтересована в урегулировании дальневосточных дел России. Однако, по словам Бенкендорфа, англичане вряд ли могли чем-либо помочь России, ибо несмотря на существующий англо-японский договор, отношения Англии с Японией в тот момент значительно охладелись<sup>68</sup>. Действительно, Япония была очень недовольна Портсмутским миром, который не дал ей ни контрибуции, ни значительных территориальных приращений, и обвиняла в этом своих союзников — англичан и американцев<sup>69</sup>.

Конечно, Япония, государственный долг которой возрос за время войны в четыре раза, в результате чего ежегодные платежи по процентам за займы достигли 100 млн. иен, готова была простить «коварство» англичан, втавивших их в войну с Россией, но «мало способствовавших» закреплению ее результатов в том случае, если бы Англия помогла японскому правительству заключить новый заем для погашения военных долгов. Однако японский министр иностранных дел Такахаси, специально направленный с этой целью в Англию, не встретил поддержки финансовых кругов Лондона<sup>70</sup>.

Потерпев неудачу в Лондоне, Такахаси отправился в Париж, где совместно с японским послом Курино просил Пишона помочь Японии разместить заем на парижском рынке. И тут вновь французы пришли на помощь англичанам. Министр иностранных дел Франции решил воспользоваться нуждой Японии в деньгах, чтобы заставить ее пойти на уступки России и тем самым способствовать прогрессу англо-русских переговоров. Об этом он переговорил с Нелидовым и написал в Петербург Бомпару<sup>71</sup>.

В середине декабря 1906 г. Бомпар был принят царем. Последний пожаловался ему на невыполнимые требования Японии, которые даже привели к тому, что 13 декабря 1906 г. русско-японские переговоры были прерваны, и просил французское правительство помочь России. Присутствовавший при беседе Извольский добавил от себя, что из-за боязни возникновения новой войны на Дальнем Востоке он совсем не имеет времени заниматься переговорами с Никольсоном. Французский посол к этому времени уже имел на руках предписание Пишона осведомить царское правительство о том,

<sup>63</sup> В этом месте в DDF имеется пометка канцелярии Министерства иностранных дел Франции: «Это, чтобы поверили, что не Берлин тому причина» (DDF, т. X, № 285).

<sup>64</sup> DDF, т. X, № 285.

<sup>65</sup> См. А. А. Поливанов. Мемуары, М., 1924 (Записи от 12 февраля и 11 августа 1907 г.).

<sup>66</sup> АВПР, Канцелярия, д. 98, л. 300.

<sup>67</sup> Там же, л. 321.

<sup>68</sup> Там же, лл. 300, 311.

<sup>69</sup> Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895—1907, М., 1955, стр. 653.

<sup>70</sup> DDF, т. X, № 283.

<sup>71</sup> АВПР, Канцелярия, д. 108, лл. 381, 399; д. 105, л. 288.

что Япония получит деньги в Париже лишь после уступок в переговорах с Россией<sup>72</sup>. Он это и заявил к великому удовольствию царя и Извольского<sup>73</sup>. Французы сдержали свое обещание: когда в начале января 1907 г. японский посол во Франции спросил у министра финансов Кайо, как обстоит дело с займом, последний ответил, что финансовая операция Японии на парижском рынке зависит от разрешения Пишона. Пишон же указал Курино, что он прежде хочет видеть заключенным русско-японское соглашение<sup>74</sup>. Японское правительство попыталось вновь добиться разрешения на котировку займа в Лондоне, а затем в Берлине, однако это не дало результатов, и ему не осталось ничего другого, как согласиться на выставленное французами условие.

Добившись от Японии уступок в пользу России, французская дипломатия тем самым способствовала значительному прогрессу в англо-русских переговорах. К двадцатым числам марта 1907 г. Извольский и Никольсон пришли к окончательному соглашению относительно тибетского вопроса, почти полностью договорились о сферах влияния в Персии и вели переговоры по афганским делам<sup>75</sup>.

Договоренности Англии и России по главному вопросу — персидскому — опять-таки всячески содействовала французская дипломатия. Характерна в этом отношении инструкция Министерства иностранных дел Франции новому посланнику в Персии Мартиньеру, сменившему в марте 1907 г. Декоса. Предписывая Мартиньеру устранить помехи, стоящие на пути англо-русского соглашения, инструкция гласила: «Мы должны оказывать помощь англо-русскому сближению не только когда нас об этом попросят русские или англичане, но и по собственной инициативе с целью облегчить и ускорить это соглашение»<sup>76</sup>.

В двадцатых числах апреля П. Камбон сообщал в Париж, что уже окончательно улажен вопрос о Персии и что Никольсон рассчитывает подписать соглашение в целом в мае 1907 г.<sup>77</sup>

Однако Никольсон ошибся в своих расчетах. Прошли июнь, июль, половина августа прежде, чем, готовое в общем к маю, соглашение было, наконец, заключено. И опять причину этой оттяжки следует искать в Германии: готовясь заключить соглашение с Англией, Извольский, как уже неоднократно указывалось, не желал ссориться с Германией. Больше того, он пытался даже добиться улучшения русско-германских отношений.

В середине августа Извольский встретился в Свиinemюнде с министром иностранных дел Германии Бюловым.

По заявлению Извольского Бомпару, свидание в Свиinemюнде было ответным визитом Николая II за Бьерке и не преследовало никаких политических целей<sup>78</sup>. На самом же деле это свидание явилось подготовкой к заключению секретного русско-германского соглашения по вопросам Балтики. В Свиinemюнде Извольский представил Бюлову протокол, в котором указывалось, что, признавая общность интересов Германии и России в районе Балтийского моря и желая более тесно связать узы дружбы между ними, оба правительства должны обязаться поддерживать *status quo* в этом районе и не допускать там никакого иностранного вмешательства, а также гарантировать владения Германии и России в указанном районе<sup>79</sup>. В свою очередь и немцы привезли в Свиinemюнде проекты; в частности, они предлагали русским заключить какое-нибудь соглашение «наподобие Бьеркского» и хотели добиться согласия царских дипломатов на установление германского контроля над последними секциями Багдадской железной дороги, выходящими к Персидскому заливу, т. е. именно над тем отрезком этой дороги, на который целиком претендовали англичане<sup>80</sup>. Конечно, Извольский так далеко заходить не собирался, да и попросту не мог. Времена Бьеркского договора миновали.

<sup>72</sup> АВПР, Канцелярия, д. 108, л. 585.

<sup>73</sup> DDF, т. X, № 363.

<sup>74</sup> АВПР, Канцелярия, д. 104, л. 105, 10.

<sup>75</sup> Там же, д. 88, л. 32.

<sup>76</sup> DDF, т. X, № 437.

<sup>77</sup> DDF, т. X, № 478.

<sup>78</sup> DDF, т. XI, № 98.

<sup>79</sup> M. T a u b e. La politique russe..., p. 137.

<sup>80</sup> I b i d., p. 141—143.

Вернувшись из Свинемюнде, где он предупредил Бюлова и Вильгельма о готовящемся «совершенно безобидном» соглашении России с Англией, Извольский мог теперь, наконец, со спокойным сердцем закончить свои столь затянувшиеся переговоры с Никольсоном. Они и были завершены англо-русским соглашением, подписанным 31 августа 1907 г.<sup>81</sup>, которое восторженно встретила реваншистская французская буржуазия.

Соглашение это отнюдь не было таким безобидным, каким хотел его представить германской дипломатии Извольский. В дополнение к русско-французскому союзу оно означало создание в Европе мощной коалиции, направленной против Германии. Оно явилось, таким образом, крупнейшей вехой в подготовке мировой войны и завершило собой целый этап дипломатической истории Европы.

Англо-русско-французская Антанта вместе с англо-японским союзом, франко-японским соглашением и русско-японским соглашением означала завершение в основном создания антигерманского лагеря и окончательный перенос центра тяжести международной жизни из Азии в Европу.

Что же касается продолжавшегося заигрывания царизма с Германией, то оно не могло уже предотвратить все увеличивающуюся зависимость России от Франции и Англии. Если англо-русское соглашение, заключенное на виду у всего мира, означало усиление зависимости царизма от англо-французского империализма и вовлечение его в антигерманскую группировку держав, то подписанное тайно от всех в Свинемюнде русско-германское секретное соглашение о *status quo* в районе Балтики не имело за собой никакого будущего.

Характерно, что, прослышав краем уха об этом соглашении, французская дипломатия пришла в негодование. Один из ведущих дипломатов Франции, посол в Италии Баррер возмущался тем, что Извольский хочет быть «в хороших отношениях с целым светом»<sup>82</sup>, что он сначала заключает соглашение с Англией, а затем тут же «бежит извиняться в Берлин», и убеждал Пишона, что надо положить конец влияниям русской дипломатии и заставить ее, наконец, «выбрать между Францией и Германией»<sup>83</sup>. В результате перепугавшийся Извольский поспешил утопить русско-германское соглашение в более широком русско-германско-шведском<sup>84</sup>, о чем Извольский не замедлил известить Нелидова для передачи Пишону<sup>85</sup>.

Выполняя поручение Извольского, Нелидов посетил Пишона. Напомнив русскому послу, что Россия имеет большую материальную заинтересованность во Франции и что последняя не менее заинтересована в союзе с Россией, Пишон выразил недовольство рядом «выходок» царской дипломатии, свидетельствующих о «тенденции сближения с Германией» или, по крайней мере, «пахнущих извинениями» России перед Германией за хорошие результаты, достигнутые в переговорах «с друзьями Франции», т. е. с Англией. Далее Пишон заявил, что, по его мнению, соглашение России с Англией, которое высоко ценят во Франции, должно, напротив, иметь своим последствием более «прямое и жесткое» отношение к Германии. Затем французский министр перешел непосредственно к вопросу о Балтике. Выразив недовольство по поводу того, что русско-германско-шведские переговоры велись за спиной Франции, он напрямик спросил Нелидова, как можно совместить соглашение о сохранении *status quo* на Балтике с обязательством России напасть в случае войны на балтийские провинции Германии, что было предусмотрено франко-русской военной конвенцией. Не довольствуясь объяснениями Нелидова, скрывавшего русско-германский протокол 29 октября и говорившего лишь о русско-шведских переговорах, которые велись-де только потому, что Россия хотела заручиться благожелательством Швеции в отношении внутренних дел царизма, французский министр Пишон потребовал, чтобы посол передал все сказанное им Извольскому с тем, чтобы последний рассеял подозрения французов<sup>86</sup>. Эта беседа Пишона с Нелидовым очень характерна: она прекрасно иллюстрирует процесс усиления зависимости самодержавия от своей французской союзницы, процесс, значительно ускоривший укрепление Антанты.

<sup>81</sup> Об этом соглашении см. «К истории англо-русского соглашения». «Красный архив», т. 2—3, 1935.

<sup>82</sup> DDF, т. X, № 471.

<sup>83</sup> DDF, т. X, № 214.

<sup>84</sup> M. T a u b e. La politique russe..., p. 171.

<sup>85</sup> DDF, т. XI, № 222.

<sup>86</sup> T a m ж е.

В 1906—1907 гг. подобно тому как и в годы, следовавшие за поражением России в Крымской войне, главным лозунгом самодержавия был лозунг собирания сил для осуществления в будущем грандиозной империалистической программы на обоих континентах. Иными словами, царизм, у которого существовали коренные разногласия и с Германией, и с Англией, стремился остаться до поры до времени в стороне от назревавшего англо-германского столкновения. Соответственно с этим и планы царской дипломатии в указанный период заключались в том, чтобы, не ссорясь с Германией, очень осторожно и постепенно помириться с Англией.

В условиях все большего обострения германо-русских противоречий энергичные действия французской дипломатии, с которыми самодержавие не могло не считаться, значительно ускорили заключение англо-русского соглашения. Это соглашение, на первый взгляд сугубо частное (урегулирование англо-русских противоречий в Средней Азии), на самом деле явилось, в дополнение к русско-французскому союзу и англо-французскому согласию, решающим камнем, окончательно скрепившим антигерманский блок в Европе.

